

КАФЕДРА

ТАЙНЫЕ ПРУЖИНЫ СОВЕТСКОЙ ИНДУСТРИАЛИЗАЦИИ

М. Г. Меерович

Традиционное понимание природы советской индустриализации до сих пор лежит в рамках пропагандистского клише, созданного коммунистической идеологией. Оно состоит в следующем: внешняя военная угроза побудила руководство послереволюционной, экономически отсталой Советской России принять в середине 1920-х гг. вынужденное решение о проведении широкомасштабного, форсированного по срокам, промышленно-технологического перевооружения, превратившего к началу 1940-х гг. СССР в промышленно развитую державу. Как побочный результат индустриализации, были созданы и технически оснащены вооруженные силы, обеспечившие противостояние внезапной военной агрессии и, в конечном счете, победу в Великой Отечественной войне.

Однако, того, что мы знаем сегодня о сталинской внешней и внутренней политике 1930-х гг. вполне достаточно, чтобы полностью опровергнуть подобную «идеологическую формулу», исключить «оборонительные цели» индустриализации, а также отбросить миф о «радостном трудовом энтузиазме советского народа, создававшего мирную индустрию».

Сталин готовил страну к наступательной, агрессивной войне против окружающего мира и возглавляемый им партийно-государственный аппарат целенаправленно создавал полностью милитаризованную экономику. Формирование мощного, современного военно-промышленного комплекса и стало главной целью внутренней политики уже со второй половины 1920-х гг. В это время Госплан получил задание разработать организационно-управленческие принципы нового административно-территориального деления страны в соответствии с задачами размещения объектов военно-промышленного комплекса (ВПК) и начал разрабатывать соответствующую программу, получившую наименование «индустриализация». В этой программе фундаментом для определения показателей, как первого, так и всех последующих пятилетних планов; основанием для установления

мощностей и номенклатуры возводимых промышленных предприятий выступила именно задача насыщения армии современной техникой.

Опыт участия капиталистических стран в Первой Мировой войне продемонстрировал как сложно и, подчас, драматично их гражданская промышленность перестраивалась на производство военной продукции – вынужденно, следуя требованиям момента, хаотично под натиском обстоятельств, с материальными потерями, долго и крайне неэффективно. Этот исторический опыт был освоен большевиками и положен ими в основу разработки уникальной стратегии формирования советского ВПК. Уникальность заключалась в создании особых форм взаимоотношения между военно-промышленным комплексом и гражданской промышленностью — в том, что массовое «переключение» на военные рельсы гражданской промышленности (без которой потребности советской армии ни коим образом не могли быть удовлетворены) оказалось изначально заложенным в основу устройства всей сферы гражданского производства, всего «народного» хозяйства.

Развитие ВПК трактовалось советской идеологией как маховик технологического прогресса во всех остальных — «гражданских» сферах деятельности. Однако, на самом деле таковым вовсе не являлось. Развитие военной промышленности в СССР в период индустриализации осуществлялось не параллельно и не вслед за развитием гражданской промышленности, как это происходило во всех других странах, при осуществлении в них промышленной революции, технической перестройки гражданской промышленности и перехода на новый технологический уровень, а за счет невозвратного употребления ресурсов всей гражданской сферы. Не «помощь» народного хозяйства нуждам обороны с началом войны, а изначально его подчинение военным задачам, лежало в основе программы индустриализации. Участие гражданской промышленности в производстве военных изделий рассматривалось не с точки зрения ее возможной

КАФЕДРА

переориентации с началом боевых действий, а как способ ее изначального устройства и постоянного существования в мирное время. Именно перманентно осуществляемая военная мобилизация всех компонент советской экономики и народного хозяйства выступала основанием технологического перевооружения всей отечественной промышленности в ходе осуществления индустриализации.

Советская власть отдавала себе ясный отчет в выборе приоритетов. Военная промышленность, или, как ее именовали — «оборонка») являлась предметом первостепенного внимания советского руководства. Именно ей передавались, наиболее ценные природные и трудовые ресурсы, именно на ее создание направлялись основные материальные средства, именно для нее, на валюту, вырученную от продажи хлеба и леса, закупались за рубежом технологии и стратегические материалы. Причем, все это делалось в ущерб благосостояния народа. Катастрофическое снижение уровня жизни населения до минимально возможного, сокращение производства товаров народного потребления, экспорт зерна в условиях массового голода и приобретение на вырученные валютные средства именно военных технологий — все это было осмысленными и планомерными действиями руководства страной.

Какую бы конкретную сферу деятельности мы ни взяли — возведение промышленных объектов, транспортное и жилищное строительство (вплоть до возведения целых городов), сельское хозяйство, энергетику, ресурсодобычу, внутренний товарооборот и т.п., мы везде сталкиваемся с систематической упорной военно-мобилизационной работой, с принудительными формами труда, с элементами подготовки к войне. Если игнорировать эти проявления прямого и косвенного порядка, то не просто трудно, а практически невозможно, понять специфику и своеобразие военно-промышленной политики советской власти в ее неразрывной связи и в ее определяющем влиянии на другие политики: градостроительную, жилищную, административно-управленческую, миграционную, ресурсодобывающую и даже карательную.

Однако, до сих пор в отечественной истори-

ографии вопросы о том, каким путем формировалось подчиненное милитаристским целям, так называемое «народное хозяйство», каким образом политической системе удавалось так эффективно принуждать население к воплощению своей воли и исполнению своих команд, как была сформирована и как функционировала советская мобилизационная экономика, какими были технологии управления ею, как были взаимосвязаны множественные аспекты этого гигантского механизма и др., остаются открытыми. Эти и многие другие аспекты индустриализации продолжают оставаться не изученными.

Любое государство имеет систему мер по мобилизации своей экономики на выполнение военных задач с началом войны. Подобное военно-мобилизационное управление представляет собой систему поэтапно распланированных мероприятий, обеспечивающих приведение хозяйства в готовность выполнять задачи военного времени. Она предполагает введение тотального контроля над ценами и заработной платой; введение правил рационального распределения предметов первой необходимости, продовольствия, горючего; осуществление комплекса мер принуждения к исполнению обязательных постановлений по отдельным отраслям промышленности о производстве военной продукции; ограничение использования дефицитных материалов; плановое сокращение производства товаров гражданского потребления и т.п. Однако, в отличие от всех остальных стран, Советский Союз создал систему военно-мобилизационного управления, постоянно функционирующую уже в мирное время. Непрерывно руководящую производством вооружений не только в системе ВПК, но и в гражданском секторе промышленности.

Казалось бы, ну и что в этом особенного — многие капиталистические страны в тот период использовали в мирное время военное производство в качестве маховика для интенсификации и технического перевооружения самостоятельно развивающейся гражданской промышленности. Сознательно превращали военно-промышленный комплекс в искусственно создаваемый рынок для стороннего стимулирования развития ряда отрас-

КАФЕДРА

лей тяжелой промышленности, обеспечивавших гражданское производство. Потому что эти отрасли были лишены достаточного внутреннего импульса со стороны потребительского рынка, так как не производили непосредственно товаров массового потребления, как это делала, собственно, легкая промышленность. Именно поэтому военные заказы, на первых шагах производственно-экономической реформы, использовались западной экономикой для интенсификации внедрения в гражданские производства новых технологий. А это, в свою очередь, приводило затем к ускорению роста общественного производства, к удешевлению товаров широкого потребления, и, что самое важное — к увеличению доходов населения. В результате, образовывался все более и более расширяющийся рынок разнообразной гражданской продукции и все более широкий спектр различных видов услуг, что, в конечном счете, ускоряло дальнейший экономический рост и стимулировало приток инвестиций в новые отрасли производства товаров народного потребления, запуская собственный маховик самостоятельного развития гражданской промышленности (и легкой, и тяжелой). Подобная стратегия и являлась главной целью индустриализации в капиталистических странах. А последующее саморазвитие гражданской промышленности — ее важнейшим результатом.

Однако, советская индустриализация походила на этот процесс лишь отдельными внешними чертами. Содержательно же, здесь все обстояло диаметрально противоположным образом. В Советском Союзе гражданская промышленность была лишена способности к какому-либо саморазвитию. Она развивалась планомерно — то есть в зависимости от тех приказов, которые получала свыше, от тех ресурсов (в том числе и людских), которые ей выделялись, от того ассортимента и объемов продукции, которые ей предписывалось производить.

В СССР маховик стремительного развития военно-промышленного комплекса, точно также, как и в капиталистических странах, интенсифицировал развитие отраслей тяжелой промышленности. Но не для того, чтобы, в конечном счете, расширить сферу услуг, быта, досуга, потребления и т.п., а,

прежде всего, для того, чтобы расширяться самому военному производству. Советский военно-промышленный комплекс не являлся дополнительным стимулом для развития гражданских производств. Он существовал сам для себя — был главной целью, основным заказчиком, единственной причиной целенаправленного и интенсивного развития тяжелой промышленности. Никаких других — «гражданских тяжелых промышленностей» в СССР не существовало. Они под таковые лишь маскировались. Подавляющая же масса якобы «гражданских» предприятий возводилась для выполнения военных заказов и лишь побочно занималась изготовлением мирной техники, и то, только лишь потому, что власть вынуждена была обмундировывать растущую с каждым днем армию и мало-мальски кормить трудящихся.

Ключом в понимании специфики советской стратегии формирования военно-промышленного комплекса является «ассимилированное военно-гражданское производство» — перемещение центра тяжести в производстве вооружений со специализированной группы военных заводов на основную промышленную базу страны. Система промышленного производства, начавшая формироваться со стартом первой пятилетки, была изначально приспособлена к задачам военного времени — возведение гражданских фабрик и заводов целенаправленно планировалось и осуществлялось исходя исключительно из потребностей военной промышленности. Т.е. проектировался ассортимент военной продукции, в соответствии с ним планировались и разворачивались процессы ее производства, а параллельно формировались родственные по технологическому профилю гражданские предприятия на которых изготавливались комплектующие и полуфабрикаты, совершенствовались оборудование, вырастали квалифицированные рабочие кадры и т.п. Таким образом, советский вариант постоянного включения в мирное время гражданской промышленности в выпуск военной продукции, не просто «сшивал» военную индустрию с существующей структурой гражданских производств, а исходно превращал гражданские предприятия в «военно-гражданские».

КАФЕДРА

Это был принципиально новый способ формирования основ ВПК. Подлинно инновационный способ, в котором военное производство выступало в роли главного заказчика перед гражданскими заводами, а гражданское производство, даже в мирное время, являлось ресурсной базой военного. При этом происходило неизбежное подтягивание технологического уровня тех производств гражданского профиля, которые были ассимилированы с военными предприятиями; а военные заводы, в то же самое время, в целях заполнения их избыточных мощностей, частично исполняли задачи выпуска гражданской продукции. Подобная «ассимиляции производства» — т.е. изначальное объединение воедино двух систем, существовавших ранее как обособленные и автономные: а) военных и б) гражданских заводов, со стратегическим подчинением гражданского производства военным целям, обеспечивало решение широчайшего круга военно-производственных задач.

Советская индустриализация не имела в качестве своих приоритетных целей улучшение благосостояния народа, т.е. расширение ассортимента продуктов питания, товаров бытового потребления, развития торговли, сферы услуг, досуга, жилищных условий и т.п. Напротив, все ресурсы, все интеллектуальные и физические силы государства, в ущерб жизни населения, были направлены, прежде всего, на создание самого мощного в мире военно-промышленного комплекса. Начиная с первого шага реализации программы индустриализации, это с неизбежностью приводило к «непредвиденным» жертвам и «случайному» ухудшению уровня жизни населения.

Как следствие, гражданская промышленность в СССР, несмотря на все пропагандистские заверения, также не выполняла роли повышения благосостояния населения. Она, в подавляющей массе своей, была подчинена задачам военного производства — обеспечивала его заготовками, материалами, комплектующими изделиями, деталями, станками, инструментом, подготовленными квалифицированными кадрами и проч. В итоге, все те гражданские предприятия, которые были включены в кооперацию с военными отраслями, полу-

чали возможность развивать свой станочный парк и технологии, по мере предъявления к ним все более высоких требований со стороны военных. А те предприятия гражданской промышленности, которые оставались вне подключенности к военным заказам (существовали и такие) на долгие десятилетия сохраняли примитивное дореволюционное оборудование, отсталые формы организации труда, низкую квалификацию персонала и допотопные технологии.

Другое пропагандистское клише, широко распространявшееся советской исторической наукой, утверждало, что в период индустриализации имел место огромный массовый энтузиазм населения, которое добровольно и радостно жертвовало всем, чем только можно было во имя успеха технического прогресса. Оно затушевывает исторические реалии, мешает сегодня вскрыть подлинные социально-производственные механизмы осуществления индустриализации. На самом же деле, в основе советской индустриализации лежала тотальная принудительность труда. Поскольку неразрывная связь системы военно-промышленного производства и гражданской промышленности превратила весь совокупный промышленный аппарат страны в военный конвейер, становление которого было поддержано массовым развертыванием системы военно- и трудо-мобилизационных мероприятий. Для этого власть осуществила комплекс мер по законодательному обеспечению милитаризации практически всего гражданского труда. Милитаризации, превратившей, в мирный период (начиная с 1930-х гг.) всю страну в единый военно-трудоустройственный лагерь. Постепенно были выработаны формы привязки населения к рабочим местам (посредством трудовых книжек и прописки); отрегулированы формы «добровольной» трудовой повинности; условия вовлечения женщин в обязательную трудовую деятельность; способы привлечения гражданского населения к работе на тех же основаниях, что и призыв солдат в армию — то есть «добровольно-принудительно», когда молодой выпускник учебного заведения или высококвалифицированный специалист «добровольно» ехали туда, где требовались их рабочие руки, потому, что прекрасно пони-

КАФЕДРА

мали, что в случае отказа, могли быть подвергнуты отправке туда вне их желания и воли, но уже на значительно более худших условиях.

Эти законодательные основания обеспечивали осуществление искусственного, фактически, подневольного, комплектования рабочей силой населения соцгородов-новостроек и соцпоселков, возводимых с началом индустриализации под- ле военно-гражданских производств. Наполняли потребными трудовыми ресурсами отдаленные и осваиваемые территории, за счет добровольно- принудительных перемещениями населения по территории страны, принудительного комплектования трудовых ресурсов соцгородов-новостроек и командно-приказным командированием специалистов. А также обеспечивали формирование контингентов принудительного труда заключенных ГУЛАГ, планомерно включаемых в трудоустройство в широком спектре сфер производства, но в особенности – по добыче природных ресурсов в труднодоступных районах.

В конце 1920-х гг. существовавшая система расселения России была кардинальным образом реформирована. Фактически, создана заново, применительно к задачам индустриального развития Советского Союза. Если до революции прочерчивание границ административно-экономических районов России основывалось на исследовательски-статистическом выявлении однородности естественных географических факторов-признаков и считалось, что главным критерием районирования территории должно быть сельскохозяйственное производство, потому, что именно оно являлось традиционным фактором интенсификации хозяйственного освоения, давало импульс возникновению промышленности, «предъявляя ей производственные запросы» и поставляя ей трудовые ресурсы, а также обеспечивало промышленность некоторыми видами сырья. То стратегия Госплана — главного разработчика плана индустриализации, исходила из прямо противоположного: не сельскохозяйственные ареалы должны являться импульсом для возникновения новой промышленности, а новые промышленные комплексы, возводимые в местах залегания сырья, должны были

инициировать формирование вокруг себя, обслуживавших зон сельскохозяйственного производства. «Методология индустриализации» Госплана сознательно шла по пути перевертывания с точностью до наоборот зависимости между организацией сельского хозяйства и организацией промышленного производства.

Следует отметить, что подобная методология административно-экономического районирования (и обеспечивающей его миграционной, транспортной, промышленной, градостроительной и проч. политики) являлась совершенно инновационной в сравнении с дореволюционным периодом. Она, как и вся стратегия госплановских разработок, была «преобразовательной» по отношению к существовавшей пространственной «конструкции» страны. Этот подход целенаправленно противопоставлялся старому, основанному на выявлении естественных тенденций развития и поэтому называвшемуся «познавательным». Именно в этом заключалось главное отличие старого районирования, структурировавшего одну и ту же территорию России на «функционально» различные управленческие ареалы: судебные, учебные, водные, военные, горные и т.п., численность и границы которых не совпадали, от нового, членившего территорию в соответствии с единым общегосударственным планом размещения крупных промышленных комплексов. Районирование периода индустриализации, исходило из того, что старое (дореволюционное) районирование, послойно членившее территорию страны на ареалы разных видов деятельности, порождало «рыхлую» административно-управленческую структуру. Эта структура, состоявшая из автономных самостоятельных, самоуправляемых территориальных образований, резко критиковалась и концептуально отвергалась «учеными-коммунистами», как способствовавшая центробежным силам, сепаратизму, угрожавшая целостности страны.

Районирование конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. являлось вторым этапом трансформации промышленно-пространственного каркаса страны. На первом этапе был реализован план ГОЭЛРО, создавший базовые ареалы но-

КАФЕДРА

вой промышленно-территориальной структуры за счет «отрыва» зон размещения производств от мест залегания энергоносителей (угля, торфа) и переноса их к местам залегания сырья, где в целях обеспечения производств необходимой энергией возводились электростанции (в первую очередь, гидроэлектростанции). На втором этапе — в период индустриализации — параллельно с созданием мощнейшего ВПК, целенаправленно формировалась единая общегосударственная иерархически устроенная административно-территориальная управленческая структура, способная, по замыслу власти, скрепить части огромной страны в неразделимое целое и обеспечить организационные условия для «протекания» цепочек производственных процессов, начинавшихся в местах добычи ресурсов и заканчивавшихся в фокусах распределением готовой продукции. Сформировать единый «пространственно-хозяйственно-управленческий» каркас, охватывавший все стороны хозяйства, все основные «функции» государства: организационно-управленческие, экономико-технологические, научно-производственные, социально-культурные и т.п. Подобное «промышленно-производственное» представление о «государственных скрепах», было предопределено марксистско-ленинской методологией рассмотрения всех явлений существования пролетарского государства, всех процессов государственного управления исключительно через их отнесение к материально-производственному базису.

Новое административно-территориальное районирование конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. кардинально изменяло прежнюю территориальную структуру, превращая общую систему управления страной в иерархизованную, общегосударственную командно-приказную вертикаль, а саму страну — в единый производственный механизм. Именно для этого вся территория страны членилась на хозяйственно-территориальные единицы с самостоятельным производственным циклом. Эти единицы, соразмерные друг с другом по количеству населения, именовались «хозяйственно-экономическими районами». Они обладали рядом обязательных признаков: а) промышленно-

пролетарским «ядром»; б) зоной размещения населения, привязанного к производству (промышленному и сельскохозяйственному); в) сырьевыми регионами, обеспечивавшими производство; г) транспортными ареалами, обслуживавшими производство; д) распределительной системой.

Новое районирование решало задачу «сжатия пространства» за счет «магистрализации», т.е. оптимизации транспортной сети, повышения скорости движения и провозоспособности. А также за счет «агломерирования», т.е. повышения доли коротких связей в производственных процессах и расселении. Подобное обеспечивало включение мест размещения новых промышленных предприятий, в единые общегосударственные «производственно-технологические цепочки».

Центрами такого районирования (т.е. центрами новых хозяйственных и, одновременно, административно-территориальных районов) становились соцгорода – крупные «промышленно-энергетическо-селитебные» образования, представлявшие собой градообразующее промышленное предприятие и селитьбу для размещения работавших на нем людей. Они целенаправленно создавались как ядра искусственной урбанизации. Вместе с прилежавшими к ним сельскохозяйственными зонами, обеспечивавшими города-новостройки продуктами питания, они образовывали базовые ареалы нового опорного расселенческого каркаса страны. Как следствие, в градостроительной типологии периода индустриализации присутствовали лишь две основных категории населенных мест: а) городские поселения и б) сельские поселения, а также три вида дополнительных (специальных) поселений: рабочие, курортные и дачные поселки.

Стратегия размещения новых промышленных комплексов и советская градостроительная политика были изначально тесно связанными, потому, что практическая реализация плана ускоренного создания ВПК требовала не только строительства новых фабрик и заводов, но и селитебного размещения подле них миллионов душ трудовых ресурсов, перемещаемых на новые места обитания. Эти места определялись без учета их пригодности для

КАФЕДРА

жизни — климата, культурных и ландшафтных особенностей, естественных условия местности и т.п. Их выбор был поставлен в тотальную зависимость от искусственно (а подчас, попросту, волюнтаристски) намечаемых «общехозяйственных планов развития».

В СССР создание организационных, технологических, финансовых, ресурсных и прочих основ военного производства, осуществлялось под полным контролем государства. Осмысленно, планомерно и целенаправленно! Именно оно и было названо «индустриализацией». Ради нее проводились экономические и социальные реформы. Ради нее массы крестьян, в результате осуществления программы коллективизации, принудительно отрывались от земли и перебрасывались в города, где «пролетаривались», включались в производственно-бытовые коллективы, а затем, в организованном порядке направлялись на возведение объектов военно-промышленного комплекса, неотделимо срощенного с гражданским производством. Ради нее прокладывались транспортные артерии и разрабатывались природные ископаемые. Ради успехов индустриализации пропаганда призывала советских людей напрягать все силы и жертвовать личным благополучием и комфортом, а карательная система заставляла их это делать.